

Костуев Эльдар Олегович

магистрант, Московская духовная академия Русской Православной Церкви

Адрес: 141300, Московская область, г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра

E-mail: eldar888-777@yandex.ru

Апокалиптические мотивы в литературных памятниках эпохи правления царя Иоанна Грозного

DOI: 10.24412/2587-9316-2021-10024

В статье рассматривается жанр апокалиптики в литературных памятниках эпохи правления царя Ивана IV Грозного (1533–1584): «Канон Ангелу Грозному Воеводе», Переписка царя Ивана Грозного с князем Андреем Курбским, «Сказание о взятии Царьграда турками», «Казанская история». Выделены три основных раздела апокалиптических мотивов в литературных памятниках эпохи царя Ивана Грозного: 1) Священная битва; 2) Мученичество; 3) Всеобщий Суд. В статье подчеркивается, что Книга Откровение Апостола Иоанна Богослова служит своеобразным ключом к данному времени. Содержащиеся в ее повествовании смыслы оказывают значительное влияние на мысль данного исторического этапа, что фиксируется в литературном наследии эпохи.

Ключевые слова: библеистика, Апокалипсис, древнерусская литература, воинская повесть, экзегетика, Иван Грозный.

...

Для цитирования: Костуев Э.О. Апокалиптические мотивы в литературных памятниках эпохи правления царя Иоанна Грозного // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. Т. 5. № 4. С. 301–319.

Eldar O. Kostuev

Master student, Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church

Address: Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, Moscow region 141300

E-mail: eldar888-777@yandex.ru

Apocalyptic motifs in the literary monuments of the era of the reign of Tsar Ivan Grozny

DOI: 10.24412/2587-9316-2021-10024

The article deals with the genre of apocalyptic in the literary monuments of the era of the reign of Tsar Ivan IV Grozny (1533–1584): “Canon to the Angel the Terrible Governor”, Correspondence of Tsar Ivan Grozny with Prince Andrei Kurbsky, “The Legend of the Capture of Tsargrad by the Turks”, “Kazan History”. Three main sections of apocalyptic motifs in the literary monuments of the era of Tsar Ivan Grozny are distinguished: 1) Holy battle; 2) Martyrdom; 3) Universal Court. The article emphasizes that the Book of Revelation of the Apostle John the Theologian serves as a kind of key to this time. The meanings contained in her narrative have a significant impact on the thought of this historical stage, which is recorded in the literary heritage of the era.

Keywords: biblical studies, Apocalypse, Old Russian literature, military tale, exegesis, Ivan Grozny.

...

For citation: Kostuev E.O. Apocalyptic motifs in the literary monuments of the era of the reign of Tsar Ivan Grozny. *Christianity in the Middle East*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 301–319.

В эпоху Средневековья тема Апокалипсиса — конца видимого мира и всеобщего суда, становится основной в идеологической системе большинства христианских государств мира. В эпоху царя Иоанна IV Грозного, правившего на стыке эпохи высокого Средневековья и Нового времени, мотивы Апокалипсиса проникают в официальную государственную идеологию Русского царства. Таким образом, книга Откровения апостола Иоанна Богослова лежит в основе большого количества идеологических документов того времени. Ведение Русским царством во второй половине XVI в. значительного числа войн как против западных, так и против восточных соседей, обозначило для мировоззрения русского человека того времени один из важнейших аспектов книги Откровения апостола Иоанна Богослова — финальной битвы небесного воинства с силами зла (Откр. 19, 11–20). Данный мотив соотносится с русской военной доктриной 2-й пол. XVI в.

В истории экзегезы книги Откровение апостола Иоанна Богослова средние века являются важным, долгим и плодотворным периодом. Вместе с книгой Песнь Песней, Апокалипсис в данный период является одной из наиболее часто читаемых и комментируемых библейских книг. Как указывает Craig R. Koester, распространенное объяснение интереса средневекового человека к Книге Откровение традиционно сводится к тому, что общество в данный период ожидало скорого наступления апокалиптических событий, однако подобная аргументация лишь частично дает ответ на поставленный вопрос [Craig, 2020. P. 413]. Необходимо учитывать, что один из ключевых принципов ожидания скорого наступления последних времен глубоко укоренен уже в самом Священном Писании Нового Завета — по мнению западных исследователей, в то время, как в одних библейских текстах содержится мысль об ожидании скорого наступления Второго Пришествия, в других появляется проблема «отсроченной парусии». Книга Откровение апостола Иоанна Богосло-

ва (как и Мф. 24, 22–24) не указывает точную дату Второго Пришествия Иисуса Христа, однако важной особенностью книги Откровение становится четкая структуризация апокалиптического времени в красочных и драматических образах, содержащих в себе утешение верным Христу и справедливое возмездие их гонителям и убийцам. По выражению Жака ЛеГоффа, средневековый человек был очарован фигурами, и поэтому склонен ценить структурированное будущее после событий Апокалипсиса [LeGoff, 1996. P. 7]. В то же время, в эпоху высокого Средневековья возникает понятие индивидуальности, свидетельством чему являются рождение идеи чистилища на Западе (XII в.), а также появление акцента на суде над каждым отдельным человеком. Эти процессы сопровождалась нарастанием интереса у средневековых людей к книге Откровение [Craig, 2020. P. 414].

Однако, прежде чем говорить о влиянии самой книги Откровение апостола Иоанна Богослова на мысль средневекового общества, необходимо коснуться самого жанра апокалиптики, который занимает господствующее положение как в древней, так и в средневековой литературе. Он зародился в иудейской среде в межзаветный период (ок. III в. до Р.Х.), и, как указывают исследователи, достаточно трудно четко обозначить границу перехода от иудейской апокалиптики к собственно христианской. В эпоху Средневековья апокалиптика интенсивно развивается; при этом, для разных культур характерны различные акценты ее развития. Для византийской апокалиптики важны, прежде всего, сюжеты, связанные с последними этапами существования христианской империи: 1) история последнего римского императора, который утвердит Церковь и укрепит христианское царство; 2) нашествие «северных племен» Гога и Магога, которые освободятся из места своего заточения и будут нести смерть и всякую скверну; 3) приход в мир антихриста — при этом, акцент делается на его личности и обстоятельствах явления в мир.

Важнейшей мифологемой Византии, связывавшей ее с римскими пророческими легендами, являлась т.н. «Тибуртинская сивилла». В этом документе говорилось о пришествии в конце времен некоего идеального императора, защитника христианской веры и искоренителя зла. Ему будет дано победить язычников и возвысить Церковь, после чего на земле воцарится мир. Однако народы Гог и Магог вновь нарушат его, но император победит и их, отправится в Иерусалим и передаст устроенное им царство Господу Иисусу Христу. После этого на землю придет антихрист, который будет окончательно побежден и низвергнут Архангелом Михаилом.

К VII в. относится другой знаменитый памятник византийской апокалиптики — «Откровение Мефодия Патарского». Автор данного труда жил в период арабо-византийских войн и видел данные события через призму наступления последних времен [Дмитриев, 1987. С. 285–283]. Описывая историю человечества от сотворения первых людей до Страшного Суда, автор уделяет особое внимание царю Александру Македонскому, в царстве которого он усматривает особый, мессианский смысл. Подобный Македонскому, великий император в конце времен под стенами Константинополя разгромит арабов, после чего наступит мир, а Церковь будет процветать. Император взойдет на Голгофу и передаст свое царство Господу. Далее автор приводит содержащиеся в книге Откровения апостола Иоанна Богослова события: три года на земле будет незаконно править антихрист, который будет низвергнут Господом Иисусом Христом в Его славном Втором Пришествии.

Таким образом, мы можем проследить основную общую мысль, связывающую памятники византийской апокалиптики. Данную мысль выражает следующая последовательность: в конце времен будут иметь место тяжкие, разрушительные события, вызванные нашествием сильного и жестокого врага. После этого явится великий император, которому дано

будет победить наступившее зло и утвердить мир на земле. Наступившая вслед за этим временем эпоха будет характеризоваться временем процветания Церкви и обращением ко Христу всех народов, в том числе и иудеев. Однако время мира будет недолгим, и вслед за этим наступят еще более тяжелые времена, в которые на земле три года будет властвовать антихрист. Небесное Воинство Архистратига Михаила уничтожит это последнее зло, после чего на землю придет Сам Господь.

Памятники византийской апокалиптики были известны на Руси уже с самого раннего времени. Так, например, «Откровение Мефодия Патарского» появляется здесь не позднее начала XII в., данный документ дважды цитируется в «Повести временных лет» прп. Нестора Летописца. Необходимо отметить, что, по меткому замечанию В.А. Косяковой, сама по себе традиция древнерусского летописания содержит эсхатологические коннотации [Косякова]. Древнерусская летопись — это не просто изложение происходивших событий в их хронологическом порядке, но т.н. «совестливая книга», посредством которой людям будет необходимо дать ответ за свои действия в земной жизни на Страшном Суде. Поэтому апокалиптические мотивы в древнерусской литературе занимают важнейшее, господствующее положение. По замечанию исследователей, «в древнеславянской рукописной традиции известны почти все произведения ветхозаветной, раннехристианской и византийской Апокалиптики» [Виноградов, Муравьев, Турилов], которые были переведены на славянский язык, в основном, в XI–XIII вв. Произведения апокалиптической тематики были чрезвычайно популярны на Руси, о чем свидетельствует уже тот факт, что некоторые из них, изначально написанные на греческом языке или древневосточных языках, сохранились до нашего времени только в славянском переводе (2-я Книга Еноха, Видения Даниила, Откровение Иоанна). На Руси Апокалипсис (книга Откровения апостола Иоанна Богослова) был, по-видимо-

му, известен уже сразу после Крещения Руси, однако самые ранние древнерусские рукописи, содержащие текст этой библейской книги, относятся к XIII–XIV вв. [Косякова].

Апокалиптические мотивы встречаются в древнерусской литературе на всем протяжении ее существования [Дворкин]. Известно несколько прецедентов из русской истории, когда наступление событий, трактуемых обществом как апокалиптические, оказывало непосредственное влияние на жизнь русского государства и народа. Так, после окончания в 1408 г. Великого Индиктиона, наступление эсхатологических событий ожидали в 1491–1492 гг., так как в этот год завершался период семи тысяч лет от сотворения мира, отождествляемых с семью днями творения. Восьмой день — это, согласно отцам Древней Церкви, Жизнь будущего века, а потому буквальное восприятие этой мысли привело к тому, что пасхалия после 1492 г. не была составлена.

В 1499 г. был завершен процесс кодификации Библии на славянском языке, инициированный Новгородским архиепископом Геннадием. Геннадиевская Библия содержала все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, переведенные на славянский язык. Книга Откровения апостола Иоанна Богослова становится известна широкому кругу читателей из числа русского общества. Это закономерно приводит к тому, что, как отмечает Н.В. Трофимова, именно с этого момента апокалиптические мотивы прочно входят в русскую культурную жизнь, что находит отражение в литературе того времени (и не в последнюю очередь — именно в воинской повести) [Трофимова, 2019. С. 17]. Таким образом, по удачному замечанию В.А. Косяковой, «с конца XV и в течение всего XVI вв. политическая и социальная реальность всё более и более воспринималась через призму апокалиптических пророчеств» [Косякова].

В 1533 г. на престол Великого княжества Московского взошел сын Великого князя Василия III Иоанн, которому суждено было стать первым русским царем. На шестнадцатом

году жизни, 16 января 1547 г. он был торжественно венчан на царство в Успенском соборе Московского Кремля митрополитом Московским и всея Руси Макарием. В 1562 г. данный титул был официально подтвержден грамотой патриарха Константинопольского Иоасафа II, которую в Москву привез епископ Эврипский Иоасаф. В контексте эсхатологических чаяний, распространенных в данную эпоху, принятие Великим князем Московским царского титула несло в себе большой сакральный смысл. Так, для современника великого князя Василия III прп. Иосифа Волоцкого царь — это не просто богоизбранный правитель, но носитель великого служения, призванный привести свой народ к Богу [Дворкин].

Необходимо отметить, что, по замечанию П. Хант, «вся официальная культура Московии была ориентирована на Священное Писание» [Хант, 2003. С. 268]. Апокалиптическая направленность правления царя Ивана Грозного неоднократно фиксировалась исследователями данной эпохи (А.М. Панченко, Б.А. Успенский, П. Хант). В контексте вышесказанного мы обозначим ряд основных особенностей, свидетельствующих об объективности данной точки зрения. Для более детального рассмотрения данной проблемы выделим три основных раздела апокалиптических мотивов в литературных памятниках эпохи царя Ивана Грозного: 1) священная битва; 2) мученичество; 3) всеобщий суд.

В книге Откровение апостола Иоанна Богослова как ключевое событие последних времен предстает священная битва Божьего Войска во главе с архистратигом Михаилом с демоническим миром. Апокалиптическое значение архистратига Михаила, как предводителя Божьего Войска, содержится и в единственной канонической апокалиптической книге Священного Писания Ветхого Завета — книге пророка Даниила.

Большое внимание к образу архистратига Михаила прослеживается в творениях самого царя Ивана. Так, зна-

менитый канон, написанный им под псевдонимом Парфения Юродивого, посвящен «Ангелу Грозному Воеводе». Д.С. Лихачев отмечает, что этот канон, имеющий традиционное деление на девять песнопений, посвящен теме смерти, а архангел Михаил предстает в нем лишь как Ангел Смерти [Лихачев]. Данная особенность в контексте апокалиптических настроений царя представляется вполне понятной. Архистратиг Михаил именуется в данном каноне «Страшным Воином»; при этом, в молитве канона царь просит архангела изъять его из рук врагов и «запретить всем борющимся с ним врагам» [там же].

Воинские предприятия царя также носят апокалиптический характер, при этом очевидна связь личности самого царя Ивана с образом архангела Михаила. Так, на личном боевом стяге царя, сопровождавшем его в ходе Казанского похода, изображен архистратиг Михаил, восседающий на крылатом коне, за которым идет ангельское войско во главе с Полководцем — Господом Иисусом Христом. Надпись на клейме стяга содержит прямую цитату из Апокалипсиса (Откр. 19, 11–14) [Цит. по: Косякова].

Еще одной важнейшей, ключевой темой книги Откровение является мученичество. Церковь последнего времени живет в обстановке тяжелейшего притеснения со стороны сатаны и его слуг, поэтому явление мученичества является важнейшим свидетельством силы Церкви. Сам Господь Иисус Христос в Откр. 3, 14 именуется «Свидетелем (μάρτυς) верным и истинным» — здесь используется термин, обозначающий мученика за веру (гр. μάρτυς — свидетель, мученик). Архимандрит Ианнуарий замечает, что

«как в стихах Откр. 5, 5–6 Иисус изображен Мессией, который победил не военной силой, но Своей жертвенной смертью, так и в стихах 7, 4–14. Его последователи описываются как народ Мессии, участвующий в Его победе, точно так же не военным наси-

лием, но своей жертвенной смертью... То, что 144 тыс. (Откр. 7, 4–8) — это армия, подтверждается в 14, 3–4, где снова говорится о 144 тыс. девственников, которые следуют за Агнцем. Согласно ветхозаветным предписаниям о ритуальной чистоте, участники священной войны должны были избегать культового осквернения через общение с женщинами (ср.: Втор 23, 9–11; 1 Цар. 21, 4–5). В Церкви, как ее описывает Иоанн, эквивалент этому не половой аскетизм, но нравственная чистота. Образ ритуальной чистоты армии Господа меняется на образ совершенства (непорочности) жертвенного приношения (Откр 14, 4–5)» [Ианнуарий Ивлиев, архимандрит].

Таким образом, победу над мировым злом, согласно книге Откровение, одержит армия мучеников, возглавляемая Самим Господом Иисусом Христом.

В русской литературе эпохи Ивана Грозного мотив мученичества встречается достаточно часто. Более того, он рефреном проходит через воинское повествование данного времени, содержится в официальных документах, письмах и размышлениях самого царя Ивана. Так, например, в его первом послании князю Андрею Курбскому, перешедшему на сторону польского короля Сигизмунда II Августа, данная тема (наряду с темой Страшного Суда) является ключевой [Каравашкин, 2020 (а). С. 150]. Исследователь В.А. Косякова при этом замечает, что, по мысли царя (повторяемой им как в официальных документах, так и в личных размышлениях), факт мученической смерти человека свидетельствует в пользу его богоизбранности [Косякова]. В контексте воинской идеологии того времени данное замечание позволяет лучше понять сущность апокалиптических представлений данной эпохи.

Можно констатировать, что тема мученичества находит широкое распространение в мысли средневековой Руси. Более того, по слову А.В. Каравашкина, сам по себе «институт

мученической святости» был необходимо важен для Средневековья [Каравашкин, 2020 (а). С. 154]. Идея «Апокалиптического воинства мучеников», которому дано победить мировое зло, становится важнейшим аспектом идеологии Русского царства эпохи царя Ивана Грозного, и оказывает непосредственное влияние на воинское повествование. Вместе с тем в контексте данной тематики поднимаются темы целомудрия и юродства, как характерные особенности мученичества последних времен.

Вслед за описанием эсхатологической брани в книге Откровение апостола Иоанна Богослова следует повествование о Всеобщем Суде. Тема Суда в Апокалипсисе является ключевой. По замечанию В.А. Косяковой, «завораживающий образ Суда являлся переломным и в вопросах выбора веры» [Косякова]. С образом Страшного Суда связано решение о принятии христианства болгарским царем Борисом (о чем повествует Симеон Логофет) и великим князем Киевским Владимиром Святославичем, которому, согласно «Повести временных лет» прп. Нестора Летописца, греческий монах показал картину Страшного Суда. Именно созерцание страшного зрелища мучений грешников, согласно прп. Нестору, способствовало резкому внутреннему изменению князя. Можно констатировать, что в формировании эсхатологических настроений в обществе того или иного времени идея Страшного Суда занимала ключевое место. Не была исключением и эпоха царя Ивана Грозного.

Однако, прежде чем говорить о месте идеи Страшного Суда в эсхатологических представлениях русского государства эпохи царя Ивана IV Грозного, необходимо рассмотреть само по себе место суда в общественной мысли XVI в. Прежде всего, необходимо заметить, что прерогатива справедливого суда над подданными на земле принадлежит исключительно царю. О справедливом суде, как прерогативе царской власти говорит знаменитый современник царя Ивана Грозного, русский писатель и публицист И.С. Пересветов. В 1549 г. он пе-

редал царю две написанные им книги, в которых он изложил свои мысли относительно царской власти. В них Пересветов говорит о том, что «не веру Бог любит, правду», которая может быть водворена на земле лишь страхом. Истинный царь должен быть грозным и справедливым. Данную мысль следует соотносить с эсхатологическими чаяниями в Русском царстве XV–XVI вв., выраженными в творениях прп. Иосифа Волоцкого и старца Филофея. Согласно им, задача царя, как богоизбранного правителя, состоит в том, чтобы в последние времена привести свой народ к спасению. Дворкин говорит о том, что подобного восприятия своей власти придерживался и сам царь Иван: «в глазах Ивана царь — фигура сакральная по преимуществу, верховный блюститель своего народа, его веры, его Церкви и в конечном счете — вечного спасения» [Дворкин]. Таким образом, царь выступает как служитель Божий, или же, как орудие божественного домостроительства: рукой царя Бог приводит народ к исполнению божественного закона.

Справедливый суд способствует водворению правды. В сочинении «Сказание о взятии Царьграда турками» данный мотив четко обозначается. Автор указывает, что в Византии, исповедующей истинную православную веру, не было правды, так как вместо «молодого царя Константина Ивановича» властью владели его приближенные, которые судили превратно. За пренебрежение справедливым судом, «высшей правдой» город по попущению Божию завоевывается турками. Султан Мехмед, взявший город, читает христианские книги и, потрясенный содержащейся в них правдой, приказывает произвести преобразования в своем государстве. Таким образом, «Греческое царство имело «веру», но не имело «правды», а держава Магмета основывается на «правде», но пренебрегает истинной верой» [Каравашкин, 2020. (с) С. 23–25]. Далее автор говорит о русском царе и об особых небесных знаках, указывающих на его избранничество. Однако в силу развращения элиты царство близко к Византии, имев-

шей веру, и пренебрегавшей правдой. От нового христианского царства требуется как почитание веры, так и следование правде: «вера и правда должны быть едины» [там же].

Тема следования идее правды как высшей ценности христианского государства неоднократно появляется в литературе данной эпохи. В данной идее легко различима ее связь с эсхатологическим судом, так как, согласно таким идеологам христианского царства, как прп. Иосиф Волоцкий и старец Филофей, царство земное есть отражение небесного царства, а значит, справедливый суд земного царя является подобием суда эсхатологического. Здесь необходимо отметить интересную особенность в творениях самого царя Ивана Грозного: по замечанию Дворкина, говоря о законности своей царской власти, он всячески избегает связи с византийским наследием, называя себя потомком императора Октавиана Августа (даже несмотря на то, что сам он являлся внуком византийской царевны Софьи Палеолог, а значит, законным наследником византийских императоров по крови). Дворкин видит в этом сознательное отмежевание царя от «политических неудачников», каковыми по причине потери ими власти выступали Палеологи [Дворкин]. Однако здесь наиболее органичным видится совсем другое объяснение — Византия теряет свое богоизбранничество вследствие пренебрежения «вечной правдой», справедливым судом, и это делает ее неподходящим образцом для построения того эсхатологического государства, идеологом которого был сам царь Иоанн.

Тема Страшного Суда ярко представлена в переписке царя Иоанна Грозного и князя Андрея Курбского. Так, например, уже в своем первом послании к царю князь Андрей заявляет о своем намерении говорить о своих обидах в день Страшного Суда и даже завещает положить копию письма, направленного царю, в свой гроб при погребении [Каравашкин, 2020. (а) С. 151]. При этом нужно сказать, что тема Суда в переписке царя Ивана Грозного и князя Андрея Курбского предстает в двух плоскостях — земной и небесной.

Так, в ответном письме Курбскому царь говорит о себе как о строгом земном судье, карающем за преступления и защищающем правого:

«Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных» [Первое Послание Ивана Грозного Курбскому].

Тот же, кто карается за действительное преступление, вопреки словам Курбского, не может быть мучеником, а карающий зло — мучителем. Царский суд, таким образом, предстает, как отражение Страшного Суда, имеющего быть в конце времен. Кроме того, отвечая на письмо Курбского, царь Иван говорит о том, что задача царской власти состоит в том, чтобы «страхом спасать» своих подданных. Это важнейшая особенность аргументации царя в отношении совершаемого им суда, основывающаяся на Священном Писании [Каравашкин, 2020. (b) С. 114]; в своем послании апостол Иуда увещевает христиан: «к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью» (Иуд. 1, 22–23).

В ответ на исходящее от князя обвинение в том, что царь Иван будто бы не верит в посмертное воздаяние и Страшный Суд, он говорит: «Не только готов предстать перед Неподкупным Судьей, но верю также в прижизненное осуждение и наказание» [Каравашкин, 2020 (a). С. 156–157]. И заключает: «Сице аз верую Страшному судищу Спасову» [там же. С. 157].

И здесь также важен образ архистратига Михаила, к которому царь Иван в каноне «Ангелу Грозному Воеводе» обращает такие слова: «Смутися сердце мое исхода ради, и страх смертный нападе на мя, боязнь и трепет Страшного судища прииде на мя...» [Цит. по: Лихачев]. Архангел Михаил вы-

ступает как Ангел Суда, или, по выражению Лихачева, как «Ангел смерти» [там же]. При этом, по замечанию П. Хант, согласно русской книжной традиции того времени, «Правосудие Михаила как ангела смерти было одновременно грозным и милосердным: оно «исправляло» (трансформировало) грешника в настоящего «сына Божьего» [Хант, 2003. С. 265]. Архангел Михаил в момент смерти человека отделял душу от тела; при этом совершение данного действия зависело от греховности усопшего. Также именно Архангел Михаил вел душу человека через небесные мытарства к Богу.

Важно отметить, что сама по себе воинская повесть эпохи царя Ивана Грозного (2-я пол. XVI в.) содержит в себе ряд отличительных, ярких особенностей, непосредственно связанных с апокалиптическими мотивами, господствующими в сознании общества Русского царства того времени. Помимо уже указанных мотивов, содержащихся в литературных памятниках того времени, необходимо выделить несколько ключевых особенностей воинской повести данной эпохи.

Во-первых, важно подчеркнуть принципиально новую направленность используемых в повести цитат из Священного Писания. Наиболее наглядно данный поворот мы можем видеть в «Казанской истории», содержащей описание воинского похода царя Ивана на Казань в 1552 г. Как указывает Н.В. Трофимова, «если в предшествующей традиции плачей основным источником была Псалтирь, то в «Казанской истории» используются преимущественно Плач Иеремии и Апокалипсис либо устойчивые обороты ряда библейских книг, встречающиеся и в этих двух» [Трофимова, 2019. С. 17]. Связь книги Плач Иеремии и книги Откровение апостола Иоанна Богослова в данном контексте понятна: описывая разрушение Иерусалима врагами и запустение Святой Земли, она как бы предвосхищает наступление апокалиптических событий.

Во-вторых, можно отметить принципиально новый взгляд автора на природу человека. Библейские цитаты те-

перь вкладываются не только в уста деятелей-христиан, но и их противников. Так, например, плач казанской царицы Сумбеки, содержащийся в Казанской истории, пронизан цитатами их библейских книг Плач Иеремии, Апокалипсис и книги пророка Амоса.

В-третьих, необходимо констатировать, что использование авторами воинской повести данной эпохи как прямых цитат, так и аллюзий на книгу Откровение апостола Иоанна Богослова, позволяет им решать ряд важных вопросов. По замечанию Трофимовой, «в повествовании об осаде и взятии Казани тексты Апокалипсиса приобретают особое значение, помогая последовательно и эмоционально раскрыть мысль о неизбежности гибели грешного царства» [там же]. Важные, принципиальные вопросы для человека данной эпохи, таким образом, решаются посредством цитации Священного Писания; при этом, смещение акцента с наиболее часто цитируемых в средневековой русской литературе библейских книг на книгу Откровение апостола Иоанна Богослова, свидетельствует о важном мировоззренческом переломе в русском обществе.

Таким образом, исследование апокалиптических мотивов в литературных произведениях эпохи правления царя Ивана IV Грозного позволяет по-новому взглянуть на рецепцию библейской книги Откровения в идеологической парадигме средневековой Руси, а также определить место библейского учения о воинском служении в системе русской военной доктрины.

Литература

Виноградов А.Ю., Муравьев А.В., Турилов А.А. Апокалиптика / Православная Энциклопедия [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.pravenc.ru/text/75602.html#part_21 (дата обращения: 29.01.2022).

Дворкин А.Л. Иван Грозный как религиозный тип [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/ivan-groznyj-kak-religioznyj-tip/ (дата обращения: 17.04.2022).

Дмитриев Л.А. Откровение Мефодия Патарского // Словарь книжников и книжности Древней Руси: [в 4 вып.] / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачёв [и др.]. Л.: Наука, 1987–2017, 1987. Вып. 1 : XI — первая половина XIV в. / ред. Д.М. Буланин, О.В. Творогов. С. 285–283.

Ианнуарий Ивлиев, архимандрит. Иоанна Богослова Откровение / Православная Энциклопедия [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/471605.html> (дата обращения: 29.01.2022).

Каравашкин А.В. (а) Иван Грозный и Андрей Курбский: конфликт интерпретаций // *Studia Litteratum*. Т. 5. № 1. М.: Институт мировой литературы им. Горького РАН, 2020. 379 с. (С. 148–161).

Каравашкин А.В. (b) Poleмические тексты Ивана Грозного: опыт исследования важнейших бестиарных символов («пес» и «аспид») // *Новый филологический вестник*. 2020. № 2 (53). С. 109–118.

Каравашкин А.В. (с) Человек наблюдающий (видения, знамения, пророчества в Древней Руси) // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2020. № 10. С. 15–31.

Косякова В.А. Апокалипсис Средневековья. Иероним Босх, Иван Грозный, Конец Света [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://flibusta.org.ua/b/523378/read> (дата обращения: 29.01.2022).

Лихачев Д.С. Канон и Молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) / Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Избранные статьи [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://likhachev.fond.spb.ru/Articles/kan.htm> (дата обращения: 17.04.2022).

Первое Послание Ивана Грозного Курбскому / Подг. текста Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыкова [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9106> (дата обращения: 17.04.2022).

Трофимова Н.В. Библейские цитаты в воинском повествовании XV–XVI вв. // Наука и школа. 2019. № 2. С. 11–18.

Хант П. Личная мифология Ивана IV о собственной царской харизме // Новгородский исторический сборник, 9 (19) / Рос. акад. Наук. СПб.: Д.М. Буланин, 2003. 648 с. (С. 245–288).

Craig R. Koester. The Book of Revelation. Oxford: Oxford university press, 2020. 517 p.

LeGoff, Jacques. Der Mensch in Mittelalter. Frankfurt: Fischer, 1996. 411 p.

References

Craig R. Koester. The Book of Revelation. Oxford: Oxford university press, 2020, 517 p.

Dmitriev L.A. Revelation of Methodius of Patara. Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus': [in 4 issues]. Leningrad, Nauka, 1987–2017, 1987, issue 1, pp. 285–283. (In Russian)

Dvorkin A.L. Ivan the Terrible as a religious type. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/ivan-groznyj-kak-religioznyj-tip/ (date of access: 04/17/2022). (In Russian)

Hunt P. Personal mythology of Ivan IV about his own royal charisma // Novgorod Historical Collection, 9 (19). Ros. acad. Sciences. St. Petersburg, D.M. Bulanin, 2003, pp. 245–288. (In Russian)

Iannuary Ivliev, archimandrite. John the Theologian Revelation. Orthodox Encyclopedia. URL: <https://www.pravenc.ru/text/471605.html> (date of access: 01/29/2022). (In Russian)

Karavashkin A.V. Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky: conflict of interpretations. Studia Litteratum. Moscow, Institute of World Literature, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 148–161. (In Russian)

Karavashkin A.V. Man observing (visions, signs, prophecies in Ancient Rus'). Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Literary criticism. Linguistics. Culturology, 2020, no. 10, pp. 15–31. (In Russian)

Karavashkin A.V. Polemical texts of Ivan the Terrible: the experience of researching the most important bestiary symbols («dog» and «asp»). New Philological Bulletin, 2020, no. 2 (53), pp. 109–118. (In Russian)

Kosyakova V.A. Apocalypse of the Middle Ages. Hieronymus Bosch, Ivan the Terrible, End of the World. URL: <https://flibusta.org.ua/b/523378/read> (date of access: 01/29/2022). (In Russian)

LeGoff, Jacques. Der Mensch in Mittelalter. Frankfurt: Fischer, 1996, 411 p.

Likhachev D.S. Canon and Prayer to the Angel the Terrible Governor Parthenius the Ugly (Ivan the Terrible). Academician Dmitry Sergeevich Likhachev. Selected Articles. URL: <http://likhachev.lfond.spb.ru/Articles/kan.htm> (date of access: 04/17/2022). (In Russian)

The First Message of Ivan the Terrible to Kurbsky. Ed. text by Ya.S. Lurie and Yu.D. Rykova. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9106> (date of access: 04/17/2022). (In Russian)

Trofimova N.V. Biblical quotations in the military narrative of the 15th–16th centuries. Science and school, 2019, no. 2, pp. 11–18. (In Russian)

Vinogradov A.Yu., Muravyov A.V., Turilov A.A. Apocalyptic. Orthodox Encyclopedia. URL: https://www.pravenc.ru/text/75602.html#part_21 (date of access: 01/29/2022). (In Russian)